

Мрибцна молодого журналиста

№6(8)

ИЮНЬ

1999

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

СПАСИБО ВСЕМ!

Слава Богу, каникулы уже не за горами. Мы все устали. Пора притормозить и спокойно поразмышлять о жизни, сменить обстановку, поплавать, погреться на солнышке, наконец. Ведь у нас такая бесконечно длинная зима! И мы эту передышку заслужили – за спиной уже восемь номеров нашей пока еще очень молодой «Трибуны». Теперь, дорогой читатель, пару месяцев придется поскучать без нас.

Впрочем, сессия еще только набирает обороты. В делах учебных еще рано подводить итоги, еще можно и нужно побороться. И пара-тройка «умных» советов как выбраться из экзаменационного штормора, которые придумал наш автор, призваны немножко развлечь и поддержать слабеющего духом студента.

«Чувство глубокого удовлетворения», с которым мы приступили к верстке заключительного номера учебного года, омрачают воспоминания о переезде. Особенно досталось Дмитрию Олеговичу Чеховичу, под послушными чудо-пальцами которого наши разрозненные материалы и фотографии как по волшебству выстраивались в эффектные газетные полосы. Обилие студенческих мыслей и слов, как правило, с трудом втискивалось в отведенное наброском макета место, и он, сидя в прокуренном пенале бывшего парткома, терпеливо подбирал шрифты, сжимал абзацы, менял кегли и даже вносил грамматическую правку, когда мы, отчаявшись, начинали вырезать кусочки из уже отредактированных «повествований». А поиски Светланы Витальевны компьютера, в который сброшен текст, по топографической схеме типа «кажется третий справа от Александра Витальевича, но, может быть, и рядом с Денисом Винцентовичем», причем под экзотически непредсказуемым названием файла, достойный «сюжета для небольшого рассказа».

И все-таки грех жаловаться. Осуществилось мое давнее желание: студенты сдают свои материалы в печатном виде, они владеют компьютерным набором, тщательно работают над словом – править стало легко, ищут изобразительное решение, экспериментируют со шрифтами, готовят свои тексты к публикации и, наконец, видят плоды своей профессиональной работы и получают от нее удовлетворение. И главное, пригубив пьянящего питья журналистики, когда острая мысль, направленная на музыкальную современность, обретает плоть и кровь в виде печатного слова, они (разумеется, не все, но некоторые) уже не хотят с этим расставаться. Значит мы все поработали не зря и можем сказать друг другу – спасибо!
Проф. Т. А. Курьшева,
худ. рук. «Трибуны»

ПРЕЛЮДИЯ К ВЕСЕННИМ КОНЦЕРТАМ КЕМПФА

Одиннадцатый конкурс имени Чайковского – уже история. Все позади: накал борьбы, восхищение публики, огорчения участников, слегка подмоченная репутация жюри пианистов, ощущение пустоты и провинциальности самого мероприятия на протяжении первых двух туров, несмотря на заезжий гвалт иностранцев в кроссовках, подчас владеющих клавиатурой компьютера гораздо виртуознее, чем мануалом Steinway... Вся эта конкурсная суета, вся чехарда ушла, развеялась, как дым... И остался Он, юный сосредоточенный британец, странным поворотом судьбы и призыванием музыканта занесенный на это не всегда справедливое ристалище, на эту схватку исполнительских школ, амбиций, политических пристрастий и одержавший бесспорную победу над чужими планами и расчетами, став истинным покорителем зрительских сердец. Фредерик Кемпф! Феномен этого единственного на конкурсе пианиста представителя туманного Альбиона сравним, быть может, только с появлением ослепительного американца на Первом конкурсе Чайковского. Но между фаворитом Первого и всеобщим любимцем Одиннадцатого пролегла целая декада конкурсов. Изменилось время, другой стала и публика...

Молодой Ван Клиберн пленил тогдашнего забитого, изолированного от мировой культуры, запуганного обрезом «капиталистического врага» советского зрителя прелестной непосредственностью, лучезарной улыбкой, открытостью «американской души», явной любовью к русской музыке. Именно такой образ imponировал тогда слушателю и был им востребован.

Но вернемся к событиям прошлого лета. Предполагалось, что и Одиннадцатый конкурс тоже явит публике очередающего «Ван Клиберна», на сей раз – своего. На эту роль явно претендовал Денис Мацуев. И, действительно, все, казалось, было срежиссировано на славу: и пленительный образ кудряво-румяного юноши с широко распахнутыми яр-

кими глазами, и раскованная, подкупающая манера держаться, и обаятельная, как бы озабоченная весь зал улыбка, и эффектный взлет рук в конце сложных и бурных пассажей, да и сама виртуозность пассажей... Нужно признать, среди конкурсантов Мацуев держался наиболее эффектно и артистично. А эти дружеские рукопожатия с дирижером... Даже почтенный маэстро Кац, до этого бесконечно шокировавший дрожащих конкурсантов, то и дело сбивавший их с темпа, вдруг преобразился. На выступление в третьем туре он лично вывел Дениса Мацуева на сцену как уже состоявшегося лауреата и аккомпанировал ему как маститому музыканту, даже не помышляя ни об одной коварной «пике», которые он до того щедро ставил другим исполнителям на том же конкурсе. Все, казалось бы, «работало» на Мацуева, безусловно профессионального пианиста с великолепной техникой и определенным артистическим талантом. Он «шел» на первую премию, и получил ее... Но не стал героем, сенсацией конкурса пианистов, его высшим достижением.

Этим летом публике был угоден другой герой, потребен иной пианистический стиль, иная глубина проникновения в музыкальную ткань конкурсных произведений. Скромный обладатель третьей премии Фредерик Кемпф стал таким героем. Он покорила слушателей глубиной исполнительского интеллекта, тонкостью и своеобразием интерпретаций, музыкантской зрелостью. Зрелостью в неполные 22 года! Так, в конце века интеллектуализм одержал верх над всеобщей погоней за беглостью пальцев, превратившей искусство в спорт. Здесь вспоминаются слова профессора Бондурянского, обращенные к ученикам: «Не стремитесь сыграть быстрее. В мире обязательно найдутся один-два человека, которые сыграют еще быстрее. Ценность искусства не в этом. Глазное – нутро, музыкантское наполнение».

Когда в дни конкурса я брала интервью у Фредерика Кемпфа, он поведал мне (кстати, на правильном и довольно чистом русском) о любопытном феномене его жизни. Оказывается, его мать – немка, отец – японец, познакомились они в Англии на французских курсах, а жена самого Фредерика – русская. А Фредерик Кемпф, по-моему, человек-Земля, дитя всего мира, синтез всех культур. Кажется, его искусство вообрало в себя всю мировую мудрость: восточную созерцательность, западную созидательность, немецкую пунктуальность, русскую духовность... В этом его сила, в этом разгадка его необычного исполнительского стиля.

На конкурсе все, жюри, зрители, музыкальные критики, единодушно признали, что самого «русского» Рахманинова предложил именно Кемпф. Таков он, нетитулованный кумир последнего конкурса, герой двух концертов, которые открыли апрельские вечера в Большом зале консерватории в нынешнем году. Как хорошо, что встречи с чудом иногда повторяются!

Ксения Холодная,
студентка III курса

БЕЗУПРЕЧНЫЙ МОЦАРТ

Московская публика вновь встречает своего кумира. Спустя год после своего феерического выступления на конкурсе им. П. И. Чайковского, Кемпф по-прежнему владеет умами слушателей. Переполненные залы, толпы студентов, штурмующие входы в БЗК, затяжные аплодисменты красноречиво свидетельствуют об этом.

21 апреля концерт камерного оркестра «Российская камерата» под руководством В. Трушина, в котором принимал участие Ф. Кемпф, был полностью посвящен Моцарту. В центре идеально выстроенной программы, в обрамлении Дивертисмента В-дур и

Симфонии № 40, прозвучал концерт для фортепиано с оркестром № 23.

Отразить в исполнении дух музыки Моцарта удастся лишь исключительно одаренным музыкантам. Удивительно, что это феноменальное постижение замысла композитора, по-видимому, является исконной чертой творческой индивидуальности Кемпфа. Он не принадлежит к числу пианистов, атакующих публику громоздкими раскатами сложнейших пассажей. Его игра покоряет мягкостью звучания, обаянием утонченной лирики. Как никто другой, этот пианист умеет проникнуть

сквозь внешние приметы стиля композитора в самую суть его творчества. Многим до сих пор памятно его гениальное исполнение Третьего концерта С. Рахманинова – бесспорно лучшее из всего, что звучало на последнем конкурсе им. Чайковского.

Сейчас, в апреле, как и тогда, игра Кемпфа буквально завоорожила присутствующих. Во время звучания медленной части Концерта Моцарта в зале стояла напряженная тишина. Взгляды слушателей (и в особенности слушательниц) были прикованы к молодому пианисту. Каждая нота буквально резонировала в сердцах. Помимо

прочего вызывал восхищение удивительно гармоничный диалог солиста и оркестра. Ведь не секрет, что солисты, умеющие слушать оркестр встречаются не так уж часто. Кемпф – исключение из этого правила. Безупречный английский вкус не изменяет ему ни на секунду. Его исполнение Моцарта было совершенным.

В наши сложные, непредсказуемые времена приезд пианиста такого уровня как Ф. Кемпф вызывает не только восторг, но и беспокойство. Ведь любая из этих встреч может оказаться последней. И все же надеемся, что настоящее искусство преодолеет любые препятствия.

Татьяна Колтакова,
студентка III курса

ЗАГАДКА ВОСТОКА

Любите ли вы японскую каллиграфию? Каллиграфия по-японски – это не только умение писать четким, красивым почерком, но, как оказалось, целое направление в искусстве, столь же показательное для японской культуры как икэбана, бонсай, оригами или кимоно.

В одном из залов Третьяковской галереи проходила выставка такой своеобразной живописи, где на картинах

ничего не было изображено кроме иероглифов! Смотря на эти картины, понимаешь, что вряд ли когда-нибудь японцы откажутся от своей, казалось бы неоправданно сложной, письменности. Каждый язык, в его фонетическом и графическом проявлении, – олицетворение культуры, его породившей. Сколько неподвижной, тонкой красоты и скрытой выразительности в этих причудливых значках, в которые

можно вглядываться бесконечно. Остановимся у некоторых картин. Вот текст, написанный в каллиграфическом стиле старинных японских свитков. Вот размашистый почерком написан иероглиф, обозначающий бабочку: он и на самом деле похож на бабочку...

А недавно мне довелось присутствовать на творческой акции, которую осуществил один современный художник. В Творческом доме на Пят-

ницкой улице одна из стен зала предварительно была обшита картоном. При большом стечении публики, на глазах у всех художник разрисовывал эти картонные листы «загадочными письменами» в стиле японской каллиграфии. По окончании этой художественной импровизации кто-то из зала попросил автора: «Прочитайте, что там написано». Ответ был следующим: «Это самая большая загадка!»

Наталья Григорович,
студентка III курса

БЕЗУМНЫЙ ВЕЧЕР С «ФОЛИЕЙ»

Бывают концерты, узнав о которых сразу решаешь, что их пропускать не стоит. Именно на такой концерт и пыталась провратиться кучка консерваторских студентов вечером 21 мая. Сделать это было нелегко — толпа желающих затопила весь вестибюль Рахманиновского зала, а на контролеров не действовали ни студенческие билеты, ни даже приглашения. Благодать человеколюбия осенила их только после окончания второго номера программы, и воодушевленные студенты рассеялись вдоль стен зала (даже стоячих мест практически не оставалось).

У такого неслыханного ажиотажа были свои причины. Кого не интересует концерт под названием «Folies d'Espagne» — «Испанские безумства»? А «бессменный солист» вечера **Петр Айду** заинтриговал публику уже с момента появления афиши — ведь рядом с его именем значилось 8 (!) инструментов, на которых он должен играть. (Помимо исторических разновидностей клавира — клавирина, клавиорда, молоточкового фортепиано, романтического клавира и современного рояля — были обещаны барочная гитара и лютия.) Да и Ансамбль под управлением **Назара Кожухаря** уже хорошо известен любителям старинной музыки, не говоря уже об Ансамбле ударных инструментов **Марка Пекарского**. Как потом выяснилось, кроме этого публике были приготовлены сюрпризы вроде балета, акробатов и прочих приятных неожиданностей.

Сама идея концерта очень оригинальна. Восемь исполненных произведений различных жанров, национальных школ и эпох были написаны для нескольких исторических разновидно-

стей клавира, что создало невероятное для одного концерта обилие стилей и звучаний — от Пасквини и Корелли до Рахманинова, от клавиорда и клавирина до современного рояля, от инструментального концерта до оперы и балета. И объединила их общая тема — мелодия знаменитой «Фоллии». Была представлена почти трехвековая история обработок этого «безумного» португало-испанского танца. Поскольку хронологический порядок не был соблюден, вряд ли слушатели имели возможность «проследить историческое развитие музыкальной композиции и исполнительства на примере одной музыкальной темы», как об этом было сказано в программке. Но они могли оценить многообразие и непохожесть жанровых воплощений этой темы, композиторских стилей и исполнительских тембров. Благодаря использованию аутентичных инструментов и погруженности самих выступающих в каждый из затронутых ими стилей, создавался удивительный «эффект присутствия» в той или иной исторической эпохе.

По вполне понятным причинам я не могу судить о первых двух произведениях — сонате «La Folia» А. Корелли для траверсфлейты и basso continuo и клавириных Вариаций на тему «Folie d'Espagne» К. Ф. Э. Баха. Мое знакомство с миром «испанских безумств» началось сразу со зрелищной и праздничной постановки фрагмента из оперы Ф. Конти «Дон Кихот». Прекрасные инструменталисты, замечательные костюмы (за это, вероятно, нужно благодарить спонсоров) перенесли слушателей в атмосферу оперных спектаклей начала XVIII века, воспринимавшихся как праздник и

развлечение, одновременно принося эстетическое удовольствие. Особенный энтузиазм у публики вызвала балетная интермедия, где танцоры, также облаченные в различные костюмы, достаточно удачно воспроизвели особенности старинного танца. Что касается певцов (**Юлия Корначева** — сопрано и **Михаил Давыдов** — бас), то поначалу не все шло гладко. Несмотря на свое эффектное появление на двух противоположных балконах и темпераментно сыгранную перебранку Мариторне и Санчо Панса, они не сразу попали в темп, взятый прекрасно технически «подкованным» Ансамблем старинной музыки. Однако к репризе дуэта ситуация выправилась, и по окончании сцены все исполнители были удостоены бурных аплодисментов.

Закончил первое отделение **Петр Айду** Испанской рапсодией Листа, сыгранной на романтическом клавире. Для демонстрации своего исполнительского мастерства и технических возможностей солист зарезервировал две такие «экологические ниши», другая из них — исполнение Вариаций на тему Корелли С. В. Рахманинова на современном рояле во втором отделении. Они составили довольно резкий контраст барочной программе, особенно Рахманинов, прозвучавший между кантатой И. С. Баха и сочинениями «старых итальянцев». В отношении Листа этот эффект был значительно сглажен благодаря прочувствованию пианистом специфики романтического клавира. Исполнение оказалось лишенным привычного, а порой и раздражающего «фортепианного» блеска, размаха и шума. И хотя отменная техника оставалась заметной, произведение предстало более камер-

ным, а его трактовка — более тонкой и детализированной.

В «Крестьянской кантате» И. С. Баха, открывшей второе отделение, особенно сильное впечатление произвел инструментальный состав. Ансамбль старинной музыки и тут был на высоте. Н. Кожухарь «парил» над ансамблистами, пленяя слушателей полной свободой, красотой тембра и каждой интонацией. В который раз обратил на себя внимание и клавиристу **Юрий Мартынов**, великолепный в ансамбле и при этом играющий свободно и разнообразно. К сожалению, такая степень вживания в музыку редко встречается у вокалистов. Не были исключением и **Ольга Курьянова**, и **Михаил Давыдов**. В дальнейшем, от них можно ожидать и более впечатляющих результатов, имея в виду хороший тембр и исполнительскую точность.

Поклонники Ансамбля старинной музыки давно знают пристрастие этого коллектива к сюрпризам, которые у них выглядят как непринужденная импровизация в стиле эпохи Барокко. Поэтому публика с трепетом ожидала чего-то необычного, когда перед двумя заключительными номерами программы — Партитой для клавиорда Б. Пасквини и Concerto grosso Ф. Джеминиани — участники ансамбля забегали, производя загадочные подготовительные операции вроде перетаскивания клавиорда в проход в середине зала. А когда прямо перед носом слушателей Айду уселся за клавиорд, и заструились волшебные серебряные звуки этого тишайшего инструмента, весь зал замер в изумленно-восхищенном молчании. Весь зал — и сидящие на сцене участники Ансамбля старинной музыки, готовые сразу после окончания Партиты подхватить ее тему (все ту же «Фоллию»), на которой основан и концерт Джеминиани. Айду же, закончив свой сольный номер, неторопливо и эффектно проплыл

через ползала на сцену, где продолжил музицирование за молоточковым фортепиано (за клавирином был Мартынов). Концерт, завершивший программу, прозвучал прекрасно. Барочные концерты всегда удавались Ансамблю благодаря особому найденному им приподнятому тону исполнения. Вот достойное завершение великолепной программы!

Но оказалось, что это еще не конец. Не успели смолкнуть аплодисменты, как сцена начала наполняться музыкантами самого необычного вида: один — с варганом, другой — с блокфлейтой. Через весь зал на сцену прошел исполнитель на таборпайпе (одно-ручная флейта в сочетании с тамбурином), сотрясая стены грохотом своего, казалась бы, небольшого барабачика. Появился и Айду с барочной гитарой, а также Некто в красном, игравший на волынке. В разгаре этого неистового гудения и грохота на сцене оказались два акробата. Через минуту мужчина уже отсек девочке голову (разумеется, тут же вернувшись на свое место) и изрыгнул столп пламени... Мы как будто оказались в разгаре средневекового «бесшабашного веселья» (именно так звучит один из переводов слова folia), которое дошло до неистового накала и... оборвалось. Представление окончено!

Что творились с публикой, невозможно передать. Она улюлюкала не хуже, чем на концерте популярной музыки. А когда все принимавшие участие в концерте музыканты высypали на сцену, восторгом не было предела. И действительно, было чем восхищаться и за что благодарить замечательных профессионалов, которые сотворили праздник — от тонкого эстетического переживания до удовольствия «для души, глаз и слуха» и, наконец, до полного растворения в разбушевавшейся стихии «безумной», но прекрасно исполненной музыки.

*Елена Петрикова,
студентка III курса*

МЕТОДИКА СДАЧИ ЭКЗАМЕНОВ

Да, я двоечник. И этого не скрываю. Все мы — потенциальные двоечники. Но даже к самому отъявленному прогульщику иногда (очень редко) приходит странное желание поработать. Предлагаю вам свою методическую разработку «Техника практической сдачи экзамена».

В идеале, конечно, все предметы нужно считать обязательными. Но, как показывает практика, студент, сдающий все экзамены в обязательном порядке, начинает худеть, бледнеть, теряет интерес к жизни и впадает в состояние, которое мы условно назовем «тихий съезд». Поэтому целесообразно все экзамены классифицировать на обязательные, необязательные и «на потом». Обязательные — это те, которые лучше уж сдать тогда, когда требуют. У теоретиков это, например, гармония, МТС, анализ; у инструменталистов, надо полагать, специальность. Необязательные — их, конечно, сдавать тоже придется, но есть возможность «потянуть» некоторое время. У тех же теоретиков, например, фортепиано. Оттягивать, конечно, долго не надо. Ну, дней десять вполне хватит, чтобы выучить программу. Третья категория экзаменов — «на потом». Имеется в виду такая форма сдачи, когда студент, изыскав соответствующую медицинскую справку, где указано, что он в день экзамена лежал, по меньшей мере, в бессознательном состоянии, предъявляет ее куда следует (следует — в деканат) и мирно со всеми расшаркивается до следующей сессии. Правда, при таком подходе предметы к очередной сессии имеют тенденцию к накоплению. Поэтому, исходя из того, что выше-названный подход к экзаменам имеет достаточно крупные недостатки, мною были собраны, обработаны и

классифицированы все основные техники сдачи экзаменов.

Итак, все способы сдачи экзаменов можно разделить на традиционные и нетрадиционные. В свою очередь, традиционные способы подразделяются на следующие:

1. **Финансовый.** Весьма распространен во многих вузах, под названием «дать на лапу». Популярностью в МГК не пользуется.

2. **Технический.** Способ, предложенный Леонидом Гайдаем («профессор, конечно, лопух, но аппаратура при нем») отмечается по причине полной неспособности студентов МГК к техническому творчеству.

3. **Психологический.** Способ, тягущий в себе множество плодотворнейших возможностей. Самый простой (мини юбка, надетая на длинноногую студентку, в сочетании с глубоким декольте) работает только в том случае, если экзаменатор — мужчина. Если экзаменатор — женщина, принесите на экзамен своего ребенка. Смена пеленок и прочих подгузников вернет женское сердце к тем счастливым временам, когда и она месяцами не спала по ночам. И тогда уж, поверьте опыту, она вам все простит. А может, и не только вам, — зависит от того, сколько долго ваше чадо будет надирать в крике. В данной ситуации, чем дольше, тем лучше. Подсознательное желание педагога поскорей избавиться от вас будет вам же на пользу. Но не спешите заводить ребенка только ради этого! При большом запасе специальных терминов (не обязательно только музыкальных) и достаточной бойкости языка возможно применить тактику «запудривания мозгов». При успешном ее применении педагогу ничего не остается делать, как с умным видом кивать головой. Но берегитесь, если инициатива перейдет в руки пе-

дагога. Он этой тактикой владеет не хуже вас.

4. **Биоэнергетический и экстра-сенсорный.** В эту категорию входит множество техник, начиная от такой элементарной, как закладывание монеты в туфель и заканчивая проведением в коридоре перед кабинетом полномасштабного камлания с полной атрибутикой сибирского шамана. Сюда же входят такие известные и общеупотребительные приемы как гипноз, телепатия, телекинез, а также левитация. Но ввиду тривиальности и хорошей осведомленности педагогов об этих приемах, перейдем к рассмотрению нетрадиционных методов сдачи экзаменов.

Нам удалось выделить только два. Первый заключается в написании так называемых «шпор», которые включают ответы на наиболее сложные вопросы (за исключением вопроса о смысле бытия и «есть ли жизнь на Марсе?»). Но по сути, это очень трудоемкий метод, так как в «шпоры» обычно перекопывается весь материал лекций. И есть опасность, что при переписи вы можете его и выучить. А зачем вам лишняя и ненужная информация?

Второй, и самый нетрадиционный метод — держать все в голове, используя возможности памяти, ассоциативного и образного мышления. Но этот способ настолько редок, что после успешной экзаменки не стоит его афишировать — вам все равно не поверят. Впрочем, данная классификация не претендует на всеохватность. Пользуясь ею, следует проявлять творческую инициативу и смело экспериментировать, соединяя различные формы и техники сдачи экзаменов. Успехов!

*Лиля Демидова,
студентка III курса*

РАСПЕТАЯ ПОЭЗИЯ

Лично для меня была большой неожиданностью огромная очередь, выстроившаяся в тот вечер у входа в клуб «Манхэттен-экспресс». Внутри, на этом вечере царил особая атмосфера, которую не встретишь на академических концертах: некий сплав интеллектуализма со свободой выражения эмоций, которые порождала эта музыка. Публика была, в основном, «зрелая», но и мои ровесники пришли поразмыслить над жизнью.

Я долго думала, почему именно искусство бардов, как никакое другое из поп-культуры, за исключением, может быть, «рока», так провоцирует слушателя на размышления о жизни. Считаю, что это происходит от того, что на суд слушателя выносятся сочинения, где доминирующее положение занимает слово. В самом деле, ведь искусство бардов — распетая поэзия, его эмоциональное воздействие складывается из трех составляющих: поэзии, артистической ситуации, музыки. Музыка в этом списке стоит на последнем месте, ее значение в данной ситуации — сугубо прикладное. Главное — поэтический текст, а также атмосфера — своеобразный энергетический обмен между исполнителем и слушателем. Мне захотелось поговорить, и я подошла к одному из артистов.

— Антон Шадько, — представился невысокий коренастый человек с удивительно яркими выразительными глазами.

— Когда Вы начали заниматься музыкой?

— С детства. Я окончил «Мерзляковку».

— А сочинение музыки?

— Честно говоря, не помню, а вот пьесы для гитары я стал писать с 1983 года.

— И что это была за музыка?

— Преимущественно песни. Так, с 1983-го по 1992-й я написал около пятидесяти песен.

— На свои стихи или больше любите других поэтов?

— Обожаю стихи Марины Цветаевой, в них хочется окунуться. В ее поэзии есть все...

Эти слова можно было бы с полным правом отнести и к творчеству Антона Шадько. Его песни были настолько разнообразны по тематике, что порой казалось, они отрывают тебя от земли, заставляют более ярко воспринимать окружающий мир, тоньше чувствовать... Среди них: «С большой нежностью», «Над синевой», «Море-плаватель». Эти песни словно объединяли публику, превращали ее в единый организм, очищали душу, а, значит, делали нас лучше, добрее.

*Ольга Чурикова,
студентка III курса*

При перепечатке ссылка на «Жрибуца» обязательна

Адрес редакции: 103871, Москва, Б. Никитская, 13

Гл. редактор (худ. рук.) проф. Т. А. Курышева

Редактор С. В. Наборщикова

Оригинал-макет: ВЦ МГК

Тираж 100 экз. Объем 0,5 п. л.